

ПОВСТАНЧЕСТВО

1919 ГОД

ГЛАВА 1-ая

ЗАРЕВО С ВОСТОКА

1. Взрыв

Тревожно спит Тетюхэ.

Внизу, в пропасти бухты, холодный ветер свистит в скалах. Там, за ними — поет и рокочет январский океан, северный, зимний...

С Японского моря от Цусимы идет тайфун ¹.

Маленькие хаты, раскиданные, как гнезда, по скалам бухты — глазами светящихся окон в тьму океана смотрят, насторожились...

Мигает на южном мысу маяк, воеет сирена.

Начинается шторм.

В маленькой бухте Тетюхэ никто не хочет спать.

Ждут... Все знают и ждут...

.....

В глубину шахты с поясной лампочкой спускается шахтер. Быстро и уверенно, цепкими ногами, по штольням двигается он. Вот дошел. По горизонтальному коридору, направо в нишу и в свет — молодой, гибкий, здоровый, кудрявый, через шум мотора и шелест ремней и тросов под'емника к человеку в глубине у регулятора:

— Здравствуй, Серов! Есть — вот! — и передает ему клочок бумаги, на котором написано только:

¹ Шторм.

А в окна прыжками стрелки — шахтеры.
Мигом обезоружена охрана.
— Три человека на станцию! — командует Серов.

А в телефонной будке начальник охраны бледный, трясущийся, вызов:

— Помощь! На шахте... — не докончил: в упор в голову выстрел.

На улице команда лыжников: у всех карабины и черные пятна лиц в бледном тумане утра.

Опять телефон:

— Серова!

— Я говорю! Товарищ Шамов?

— Да! Здесь все знают... Выехал отряд охранников на выручку — встречайте.

— Готовы! А вы там сейчас же на маяк...

— Уже...

Двадцать минут кончены.

Регулятор — направо, выключен рубильник, и Демирский бегом в северную штольню.

За ним, сзади, вдруг — тишина...

Смолкли моторы, повис под'емник, застряли на-ходу по штольням вагонетки... — тишина.

Сердце горного округа — главная машина — остановлено.

... Паровозик на мосту.

Ручка индуктора два раза кругом: смотрит сквозь кусты Серов — лыжники в цепи под насыпью глубоко в снегу залегли, влипли...

И —

„У-ууххх!...“

2. На лыжах

... Маяк погас. Сирена больше не воеет.

Туман на море, шторм... А у берегов о лед — беяки..

Не слышно, как скользят два десятка лыжников вдоль узкоколейки.

Вот и бухта — тридцать верст пройдены.

Прямо в теплую хату. А там — штейгер Шамов, старый большевик, уже ждет их.

— Началось! — холодный в румянце вбегает Демирский.

И сразу говором:

— А мы тут уже расправились с администрацией, вся арестована.

— Маяк погашен? Сирена остановлена? — и Шамов крепко жмет руку Серова.

Сели. Мигом составлен штаб.

Шамов уже пишет своим четким убористым почерком приказы.

Серов дает устные распоряжения.

Первый — начальник 1-го партизанского штаба. Второй — начальник партизанского отряда Тетюхинского горного округа.

С ними — все шахтеры и охотники целого прибрежного края. Как один — все стрелки.

Теперь — только бы скорее предупредить область, наладить связь, поднять всю ее на восстание.

И быстро, один за другим приказы в руки начальникам партизанских команд, а те — на улицу в мороз и ветер.

— Стройся, ребята, попарно! и — одна команда лыжников на север, к Императорской гавани; другая — к югу, на бухту Ольгу...

Уже совсем день, но туман и буря на море еще сильнее. Самым центром тайфун проходит по Тетюхэ.

А маяк погас, и сирена не гудит.

Партизанский штаб может работать спокойно.

И лыжники в свисте ветра спускаются с гор в Ольгинскую долину.

ГЛАВА 1-ая.

Ручка индуктора два раза кругом: смотрит сквозь кусты Серов —
и — у — ууххх!

3. Знамя на скалах

Руки перебирают веревку быстро, быстро, и визжит блок на старой сигнальной мачте на маячной скале.

Дерг, и —

— Где ты достал красной материи? — пишет Шамов и спрашивает.

— Эге-ж! У попадьи забрав...

— И дала, ничего?

— Ну, как не дашь — „леворуция“... боится... зато дочка ейная — гарная дивчина, сама взялась шить, а наши дивчата помогали... здорово?

Демирский весело смотрит на шахтеров, — те смеются...

А сердце у всех стуком стучит: подняли восстание и теперь поднимают...

— Вот, смотрите! — в окно Демирский... все на улицу... а там — команда Серова:

— Первый повстанческий отряд, смирно!

и красный сверток полыхнул, и знамя развернулось над обрывом...

„Буух-уух...“ в скалах бухты эхом: это — салют из пушки с маяка.

Партизанский отряд развернулся шеренгой на откосе в бухту.

У отряда, — Серов, крепкий, сутулый, длиннорукий, настоящий шахтер. Как клещами держит он свой меткий карабин:

— Смирно!

На крыльце штаба Шамов звонким голосом в холоде дня:

— Товарищи! Знамя восстания снова на скалах поднято...

4. Первый партизанский отряд

— Ну, жинка, собирай торбу... — и Демирский настегивает двери с холодом в избу...

Сверкнули глазенки у Гани, потупилась...

— Ну, черная — не бередь... Пропантуешь ¹ весну без меня, а там ма-быть и я ворочусь...

Искрами глаз в него: а вдруг?

— Не хорони загодя, не бойсь... все равно як на зверя иду — жди...

Сел на лавку и быстро новые онучи крепко наворачивает, в улы ² морской травы положил. Одед. Привернул оборами. Встал, приподнялся на носках, прошелся по хате — хорошо... Нигде не жмет...

— Гарно, нога как дома!.. — опять сел, а от морской травы дух по комнате сладкий...

Быстро Ганя управилась, — не впервой собирать на охоту.

Вышла к нему, посмотрела так...

Екнуло в сердце у парня, встал — обнял, запрокинул голову, да в сочные красные губы впился как клещ.

— Эх, Ганёк... — оторвался... — а потом опять...

А когда нацеловались, — подтянул покрепче ремень, вскинул карабин за плечи, за сумку, и за дверь шагнул.

А там, на улице, на морозе:

— Здесь Серов будет, все по первому зову охотники к нему... поняла?

— Как не понять...

— Смотрите, не сдавайте Тетюхэ... — а потом ласково: зря не балуй, Ганя! — улыбнулся...

— Ты не балуй... — улыбнулась и она.

Все шахты, вся Тетюхэ провожает первый партизанский отряд, идущий подымать восстание в области.

Все сделано быстро, по-охотничьи: разведка на лыжах уже впереди, лошади навьючены.

¹ Род охоты за очень ценными оленьими рогами.

² Китайская таежная обувь.